
БЕЛООЗЕРО
РОСТОВ ВЕЛИКИЙ
НОВГОРОД
ТОРЖОК
12+
АЛЕКС ЯНГ
ДЕСЯТИГРАДИЕ
РЕКИ
СВЯЗЫВАЮТ.
СУДЬБЫ
ПЕРЕПЛЕТАЮТСЯ.
ИСТОРИЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ НА ОДИН ГОРОД

Алекс Янг

Десятиградие

«Издательские решения»

Янг А.

Десятиградие / А. Янг — «Издательские решения»,

Как библейское Десятиградие — русские города 13 века в окружении не только внешних (крестоносцы, монголы), но и своих внутренних врагов (язычники, ушкуйники, нечистые покойники). В мистическом путешествии по городам и рекам сначала сойдутся, а потом разойдутся тропы ратника Яруна и его возлюбленной Рады. Суждено ли им быть вместе, и отпустит ли Яруна вина за смерть друга?

© Янг А.
© Издательские решения

Содержание

— В осаждённом Торжке 6
— В монгольской Орде 8
— В вихре шторма 11
— В пограничном мире. Часть 1 12
— В святом месте на каменном острове 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Десятиградие

Алекс Янг

© Алекс Янг, 2026

ISBN 978-5-0071-7406-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— В осаждённом Торжке

Ранним утром 20 февраля 1238 года дозорный Ярун, находившийся на башне крепости, увидел на горизонте огромные массы монгольских воинов. Словно разливавшееся по белоснежной скатерти чёрное масляное пятно, монголы медленно приблизились к городу Торжку. Но жители были уже готовы к встрече — крепостные валы на холме, политые водой, превратились в ледяные скользкие стены, на которые не залезешь просто так, с наскока. Несколько гонцов, отправленных Бату и Субэдеем, предложили русским открыть ворота и сдаться, но посадник Иванко приказал вылить им на головы котёл с помоями. Под громкий хохот стоявших на стенах ратников мокрые и униженные послы быстро ускакали на своих коротконогих лошадях, чтобы передать Бату ответ гордого города.

И началась жестокая и кровавая осада Торжка, длившаяся около двух недель. Сначала монголы пытались взять город с налёта, несколько раз штурмуя открыто, в лоб, но дружинники и ополченцы отбили все приступы, сбросив кочевников вниз по ледяной горке. Тогда Субэдэй пустил в ход метательные пороки (камнемёты), перед этим оградив их от разрушения деревянным частоколом. Сотни камней и снарядов с зажигательной смесью обрушились сверху на маленький город, разваливая и воспламеняя деревянные дома, сараи и постройки. Одновременно с этими обстрелами толпы пленных (хашар) завалили хворостом ров перед крепостью, а потом в атаку пошли монгольские воины, разбивая ворота крепости таранами.

Обречённый город запылал…

Ярун, спускаясь по лестнице с крепостной стены, поддерживал левой рукой своего друга Завида, раненого в ногу. В это время монголы уже ворвались в город, убивая всех, кто стоял у них на пути. Вокруг полыхал огонь, перескакивая с одной постройки на другую и пуская в разные стороны клубы чёрного дыма, которые плотно обволакивали крепость. Тела убитых и умирающих жителей заполнили улицы Торжка. Ярун занес друга в сарай, ещё не охваченный огнём, и положил его на солому. Завид стал перетягивать ремнём пробитую ногу, чтобы остановить кровь. «Жди меня здесь, я до конюшни, возьму лошадей», — сказал Ярун, выбегая из сарая. Снаружи доносились людские крики и топот копыт монгольских лошадей. Завид положил голову на солому, боль в ноге постепенно угасала.

Они родились и выросли в Великом Новгороде и с самого детства были лучшими друзьями, а потом оказались в посадском войске, выбрав своим занятием военную службу. Служили сначала в Новгороде, а потом и в Торжке (пограничной крепости вольной республики). Закрыв глаза, Завид подумал о том, что всё уже кончено, из города уже не выбраться и ожидает их только смерть от рук кочевников. Одна надежда была на подмогу из родного Новгорода, куда давно уже был отправлен гонец за военной поддержкой. Жители Торжка ждали войска из вольного города, но никто не пришел им на помощь. И такое отчаяние охватило Завида, что он стиснул до боли зубы и тихо завыл…

Когда Ярун подбежал к конюшне, оттуда уже выходили два монгольских воина, которые держали за узды несколько самых лучших лошадей. Они улыбались и, довольные добычей, о чем-то переговаривались между собой. Не раздумывая, Ярун ударил мечом по шее первого воина, который, не ожидая такой внезапной смерти, взмахнул руками, ткнулся носом в седло и медленно осел на землю. Второй монгол, выставив левой рукой перед собой небольшой круглый щит, ударил сверху русского ратника своей изогнутой саблей. Ярун отразил выпад и яростно пошёл вперёд, меч его выбил из рук степняка сначала саблю, а потом и щит. На мгновение перед ним мелькнули испуганные глаза, но лезвие уже вошло в грудь монгола, выпустив кровавый фонтан. В следующий момент Ярун почувствовал удар в спину, как будто тупым концом копья, и как подкошенный упал на землю. Откуда-то сверху, видимо знатный монгольский воин произнёс: «Славный багатур, вяжите его, может и выживет». Ярун слышал только

голос и не понимал речи, и тут же на него навалились, загибая руки. Он открыл на мгновение глаза и увидел, как вражеский всадник, разгоняя лошадь, волочил по земле труп русского ратника, привязанный за ноги верёвкой, крепившейся к седлу коня монгола. Позади змеилась кровавая тропинка, которая начиналась из того сарая, где Ярун оставил своего друга. Когда труп протащили рядом, он узнал в нем Завида, застывшие глаза которого, открытые и мёртвые, смотрели на Яруна с немым укором…

— В монгольской Орде

Царевич Даир Кайдагул, племянник Бату и Берке, внук Джучи и правнук Чингисхана, радостно умывался в ручье холодной водой. Стоял солнечный тёплый день, и сама природа тоже радовалась вместе с царевичем. Даир возвращался со своим слугой после удачной охоты, на которой он ни разу не промахнулся, поэтому был особенно счастлив и доволен собой. Слуга царевича — пленный русский ратник по имени Ярун стоял на коленях и молился иконе, прислонённой к большому камню на берегу речки. Умываясь, Даир громко фыркал и смеялся, а потом обратился к слуге:

— Вот ты все молишься, Ярун, своему Богу. А чем он тебе помог? Сколько лет ты уже в плену?

— Всё в руках Господа. Если не дано мне побывать на родной земле, значит судьба такая, но не об этом я прошу в своих молитвах.

— А о чём же?

— О прощении за то, что когда-то друга своего лучшего оставил раненым, а его убили. Виноват я в его смерти и перед Богом виноват.

— Странные вы урусуты, — сказал царевич, потому что не понятна ему была печаль и отчаяние русского ратника. Он посмотрел на маленькую деревянную икону Яруна и скривил рот:

— Как можно молиться какой-то деревяшке? Не понимаю вас. Вот посмотри вверх — огромное вечное небо над головой, солнце, луна!

— Да, — ответил Ярун. — Только всё это Бог создал, и мы тоже его создания…

Кирилл, епископ ростовский, подъезжал к ставке хана Бату — городу Сараю, тогда еще кочевому, но уже шумному и пёстрому. Кроме юрт монголов, раскинулись на берегах Итиля (Волги) жилища кипчаков, русских, булгар, византийцев, уже галдели наперебой торговые ряды, паслись повсюду лошади, верблюды, козы и овцы.

Глядя на эту столицу кочевников, священник вспомнил один холодный день весны 1238 года, много лет назад, когда возвращался из Белоозера в Ростов. Тогда волна монгольского нашествия уже схлынула на юг, и Кирилл остановился на берегу реки Сити, где ещё недавно монгольский тумен Бурундая наголову разбил войско великого князя Юрия Всеволодовича. Епископ ходил по полю битвы и среди тысяч непогребённых погибших ратников обнаружил по княжеской одежде обезглавленное тело князя Юрия, которое привёз в Ростов и похоронил по христианскому обычаю. И разве мог он тогда подумать, что спустя всего несколько лет русские князья будут ездить на поклон к монгольскому хану и почитать степного язычника как царя земного! А тогда, скорбно глядя на тела погибших воинов, на сожжённые города и сёла, на тысячи пленников, угнанных в рабство, на плач и стон по всей Русской земле, Кирилл принял на всю жизнь своё пастырское предназначение — нести людям, потерявшим всякую надежду, божественный свет и благодать.

В монгольской ставке священник сначала долго общался с русскими пленниками, чтобы они не падали духом. Один из них, по имени Ярун, рассказал о своей жизни и вине за смерть друга. Епископ осенил его крестным знамением, а потом долго смотрел куда-то вдаль и наконец произнёс:

— Молись и в молитвах своих уповай на Господа. Душа твоего друга не может найти успокоения, вот и мучается, и тебя мучает…

И на всю жизнь запомнил Ярун эти странные и загадочные слова священника…

Юрту хана поддерживали высокие позолоченные столбы, создавая внутри ощущение простора и величия. Бату сидел на золотом троне, поставленном над всеми остальными участниками церемонии — он принимал гостей из разных земель. Рядом с ханом находились чин-

гизиды — брат Берке, сын Сартак, племянник Даир Кайдагул и знатные монгольские нойоны. Старшая жена хана Боракчин-хатун, молчаливая и невозмутимая, сидела на верхней ступеньке перед троном.

В юрте стояла полная тишина — епископ Кирилл, наделённый даром красноречия, рассказывал монголам об одном преподобном Русской земли — Леонтии Ростовском, жившем в XI веке: «Этот чудотворец принял в Константинополе иноческий сан, а потом прибыл в ростовскую землю крестить народ. Тогда среди населения было много язычников, особенно из народа „мери“, которые с ненавистью встретили Леонтия. Несколько раз его избивали, а затем изгнали из Ростова, но он не сдался и не упал духом, а выстроил за городом на берегу ручья церковь, где продолжил проповедовать православную веру. Но не успокоились „мерянские“ язычники — спустя несколько лет окружили они храм, в котором служил Леонтий, чтобы навек покончить с ним. Бряцая оружием, толпа вызывала святителя выйти к ним на расправу. Но преподобный не испугался и не убежал задворками, чтобы жизнь свою спасти, а облачился в священные одежды и вышел к народу. На ступенях храма он высоко поднял руку с крестом, и хлынул от лица его свет небесный. Кто-то из язычников упал мёртвый на землю, а кто-то ослеп. Леонтий помолился Господу, а после молитвы исцелил всех язычников. Поражённые таким чудом, а также мужеством священника, не побоявшимся огромной разъярённой толпы, народ массово крестился и принял веру православную. И с тех пор в Ростове кончилась ночь идолов, и настало утро благоверное». Епископ Кирилл закончил свою речь и добавил, что мощи Леонтия хранятся в ростовском соборе и до сих пор у гроба преподобного происходят исцеления.

Рассказ Кирилла о чудесах до того впечатлили царевича Даира, что он сидел, не шелохнувшись и уставившись в одну точку. В это время Берке произнёс:

— Покажи нам, урус, крепость твоей веры. Мой сын лежит уже несколько дней, весь горячий, сила ушла из его тела. Помоги ему…

Епископ всю ночь молился у постели недужного сына Берке, окропляя юрту и больного святой водой. Царевич бредил, на красном раскалённом лице его выступили капли пота, глаза были закрыты, видимо, мучения доставляли ему боль. Ближе к утру он уснул, уснул и Кирилл возле его постели. Прошло утро, и в степи начался сухой тёплый день. Сын Берке проснулся, открыл глаза и понял, что неведомая боль куда-то ушла, внутри было спокойно, дышалось легко и приятно. Он встал на ноги и, выйдя из юрты, зажмурил глаза от яркого солнечного света…

Кирилл возвращался на Русь в сопровождении небольшой свиты из ростовских священников, торговых людей, а также ратников, составлявших охрану епископа. Он радовался тому, что исцелил больного, что выкупил несколько русских пленников, да еще и ярлык получил от хана на церковные льготы. Довольный, он смотрел по сторонам и наслаждался этим степным солнцем, этим тёплым воздухом и петляющей дорогой, которая вела в Русскую землю. Внезапно откуда-то со стороны раздался свист и топот коней, кортеж епископа остановился. Ратники, подняв щиты, встали вокруг Кирилла защитным кольцом. К ним приблизился небольшой монгольский отряд во главе с царевичем Даиром Кайдагулом и Яруном. Племянник Бату и Берке соскочил с коня и встал перед епископом на колени, склонив голову:

— Отче, хочу ехать с тобой на Русь, чтобы там принять христианскую веру и святое крещение…

Ярун проснулся рано утром возле затухавшего костра, подкинул дров и поставил котелок с водой. Вокруг все ещё спали. Он присел возле медленно разгоравшегося огня, задумчиво глядя в костёр. Сердце его учащенно билось от мысли, что спустя столько лет он наконец-то увидит родную землю. Неожиданно Ярун уловил какое-то движение с правой стороны, и, повернув голову, поглядел на спящих людей возле телеги. Один из них, сидевший около колеса, не спал, а пристально и отрешённо смотрел прямо в глаза Яруну. Узнав в нём своего

погибшего друга Завида, ратник не мог понять — или сон ему снится, или это какое-то наваждение, но всё равно заговорил тихим голосом, чтобы не разбудить спящих:

— Прости меня, что оставил тебя тогда в сарае. Не надо было уходить, грех на мне.

Завид молчал, только едва заметная, слабая усмешка скользнула по его лицу.

Ярун опустил голову, задумавшись, чтобы ещё такого сказать другу, ведь столько лет он ждал этого момента и казалось бы столько слов накопил, а сейчас растерялся, но когда собрался с мыслями и поднял глаза, то Завида уже не было. Люди у телеги всё ещё спали, а возле колеса растворялся в воздухе легкий утренний туман.

— В вихре шторма

Они прибыли в город Ростов, где епископа встретили два князя — родные братья Борис и Глеб Васильковичи, первый владел Ростовским княжеством, а второй — Белозерским.

Царевич Даир Кайдагул принял крещение под именем Петра и остался жить в Ростове, а Ярун получил свободу и по приглашению князя Глеба поступил ратником в его дружину. И дальнейший его путь лежал в Белоозеро, край лесных озёр и болот…

Они шли на двух ладьях, рассекая огромную водную гладь. Дружинники весело работали вёслами, князь Глеб сидел на трюме в корме судна. Он был в хорошем настроении, которое даже не омрачали надвигавшиеся впереди свинцовые тучи. Полюбил он эти раздольные белозерские места, куда направлялся сейчас вместе с дружиной и торговыми людьми.

Неторопливо начал моросить слабый дождик, который шаг за шагом стал усиливаться. Почти сразу сменился ветер, неспешный тёплый — на резкий и холодный, дувший мощными порывами. На озере появились волны, которые стали расти прямо на глазах. Крупные капли дождя часто-часто забарабанили по корпусу ладьи, и она уже крутилась на месте, а не двигалась вперёд. Дождь мгновенно превратился в ледяной ливень, огромные потоки воды хлынули в ладью. Небо потемнело, и берегов озера уже стало не видно. Только изредка сверкали молнии, освещая ненадолго корабль и бушевавшее вокруг озеро.

Вцепившись руками в весло, Ярун старался не выпасть за борт, так как ладью швыряло на волнах, то круто поднимая вверх, то резко опуская вниз. Больше всего он боялся, что перестанет чувствовать задубевшие от холода пальцы, которые выпустят весло. Князь Глеб, находившийся рядом, произнёс: «Если выживем, поставлю храм в том месте, куда ладьи пристанут», а потом зашептал слова молитвы. Но молились в этот страшный час все дружинники и купцы, находившиеся на двух кораблях. Однако шторм не стихал, а только усиливался, и уже два гребца с криком выпали за борт и пропали в воде. Вдруг Ярун увидел справа от себя исполинский вихрь из воды и ветра, который хаотично и стремительно кружил по озеру и терялся где-то высоко вверху. На небе вспыхнула молния, осветив корабль, и Ярун увидел лицо кормщика, сидевшего за рулевым веслом на корме. Им оказался Завид, который хладнокровно и невозмутимо управлял ладьей, уводя ее прямо в сердцевину чудовищного вихря. «Как будто нечистый мертвец забирает меня в преисподнюю», — подумал дружинник, закрывая глаза и полностью отдавая себя в руки судьбы.

И тогда ладья перевернулась, сбросив всю команду в холодную пучину…

— В пограничном мире. Часть 1

Ярун стоял на жёлтом обжигающем песке, слева от него тихо шумело бескрайнее синее море, а справа возвышалась, пронзая небо, дымящаяся гора. Он подумал, что наверное так выглядят Тмутаракань и Таврия, о которых он слышал в Новгороде и Орде. В сторону вулкана вела извилистая тропинка, по которой он и направился куда-то вверх, повинуясь своему внутреннему голосу. Своего тела Ярун не ощущал и не видел, ему даже показалось, что двигается он как будто во сне. Пока он поднимался в гору, то не переставал удивляться Господу от того, что он создал такую красоту, что расстилалась перед ним, и таких причудливых созданий, которые разгуливали вокруг. Он видел больших птиц с чёрными крыльями и зелёными перьями на голове; мощных животных песчаного цвета с роскошной гривой и острыми зубами, которые лениво лежали на земле; сотни маленьких разноцветных птичек, сладко трезвонивших в воздухе; высоких пятнистых зверей с длинной шеей и маленькими рожками, мирно пасущихся в тёплой степи. Он видел и совсем причудливых животных, с головой льва и крыльями, изображения которых ранее наблюдал на стенах Дмитриевского собора в городе Владимире.

Дорога привела его к горной пещере, в которой находились три коридора. Возле первого на земле лежали человеческие кости, явно намекая на то, что там путника ожидает смерть. Во втором коридоре в глубине мерцали различные свечения и играла приятная успокаивающая музыка, тем самым давая знать, что там ждёт вечное блаженство. Вход в третий был завален камнями. Немного подумав, Ярун решил, что не стоит искать лёгких путей, поэтому принялся разгребать каменные завалы, расчистив которые он направился по третьему коридору. Дорога привела его в огромную пещеру, из которой в разные стороны расходилось бесчисленное множество тропинок. По которой из них следовало идти дальше, Ярун не знал, а его внутренний голос молчал.

В этот момент он увидел сидевшую на камне девушку, одетую в белое платье, расшитое диковинными узорами. Он присел к ней и хотел заговорить, но девушка обернулась к нему, и Ярун, взглянув в её малахитовые глаза такой глубины, что в них можно было утонуть, замолчал, лишившись дара речи. Девушка сказала приятным голосом, при этом протянув ему клубок ниток: «Держи, бросишь его на землю и пойдёшь за ним, где он закончится — туда тебе и дорога». Ярун не хотел уходить, он чувствовал в этой девушке что-то близкое и родное, как будто из далёкого забытого детства. Но необходимо было отправляться дальше, только цели этого пути он не знал.

Бросив клубок, который сразу довольно быстро покатился по камням, уменьшаясь в размерах, Ярун пошёл следом, стараясь не потерять его из виду. Наконец нить кончилась, и ратник оказался на берегу мрачной реки, где покачивался на волнах скандинавский драккар, украшенный спереди резной головой дракона. Поднявшись на борт, Ярун увидел, что на вёслах сидели бородатые викинги, а управлял судном здоровенный берсерк с татуировками на лице. Драккар сразу направился к противоположному берегу реки, а висевшие на стенах подземелья факелы освещали путь. Когда судно стало причаливать, сидевший на берегу человек, одетый в чёрный плащ с капюшоном, длинным шестом оттолкнул его, не давая кораблю пришвартоваться. Драккар ещё несколько раз попытался подойти к суше, но шест человека в капюшоне неизменно разворачивал судно в сторону реки. Тогда викинги безмолвно поплыли обратно, высоко взмахивая вёслами. Ярун последний раз взглянул на берег, на который ему не удалось ступить, и увидел, что человек, откинув свой капюшон, ещё долго неподвижно стоял, безмолвно глядя на удаляющийся драккар. Он узнал его, это был Завид.

Ярун спрыгнул с корабля и направился туда, где встретил загадочную девушку, нитка на земле указывала ему дорогу. На стенах ярко горели факелы, освещая тропу. Он подошёл к

тому камню, на котором сидела девушка, но её там уже не было. Ярун попытался вспомнить её лицо, но не смог, в памяти осталась только глубина малахитовых глаз. Он присел отдохнуть на камень, но веки его сомкнулись и сон одолел его.

— В святом месте на каменном острове

Князь Глеб Белозерский очнулся лежащим на берегу. Было холодно, ноги его по колено находились в воде. Он поднялся, почувствовал, что цел и невредим, и стал осматриваться кругом. Увидел, что находится на небольшом каменном острове среди огромного озера, рядом на песке лежали несколько дружинников, которых Глеб стал приводить в чувство. На другом конце этого маленького клочка суши нашлись и остальные потерпевшие кораблекрушение, там же находились останки разбитого судна. Князь осмотрел всех своих спутников и понял, что не хватает двух человек: пропал его дружинник Ярун, а также дочь купца, следовавшая во второй ладье. Её отец Михайло, убитый горем, ходил отрешённо по берегу и оплакивал своё чадо.

Позднее на острове дружинники обнаружили троих отшельников, проживавших в землянках. Эти пустынножители проводили почти все своё время в молитвах, а питались рыбой и выращенными скудными овощами. Они покормили князя с его товарищами чем смогли, но по крайней мере те утолили свой голод. Одного из старцев звали Феодор. Появился он здесь давно — во времена нашествия монголы вырезали деревню во Владимирской земле, где погибла и вся его семья. Ратником он сражался на реке Сити, получил тяжёлое ранение, но выжил, и судьба привела в эти места. Он построил здесь часовню и проводил время в молитвах и наставлениях в Христовой вере среди язычников, которые ещё жили тогда по берегам озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.